

Мария Валерьевна Курочкина,
инженер кафедры русской литературы

Светлана Юрьевна Королёва,
канд. филол. наук

Пермский гос. нац. исследовательский ун-т

ИСТОРИЯ, ЖИЗНЬ И СУДЬБА В СТИХОТВОРНОМ ИЗЛОЖЕНИИ (ТВОРЧЕСТВО ЕКАТЕРИНЫ ЗВЕРЕВОЙ)

Исследователи уже отмечали, что в произведениях, авторами которых выступают самобытные писатели и поэты — выходцы из простонародной среды, центральное положение занимает тема памяти. Мемориальная направленность текстов проявляется в их жанровой природе (предпочтение отдается документальным жанрам: дневникам, автобиографиям, мемуарам, комментированным родословным и т.п.), в авторском послы и выборе потенциального адресата. «Наивные» произведения — как правило, рукописные — предназначаются создателями для «будущих поколений», а отраженный в них опыт репрезентируется как общезначимый.

Творчество пермячки Екатерины Егоровны Зверевой вписывается в эту тенденцию — но с двумя важными оговорками. Во-первых, там, где другие по традиции пишут прозой, она предпочла стихотворную форму. А во-вторых, созданная ею автобиография и родословная из рукописи превратились в печатный сборник, который автор издала за свой счет. Книга «Судьбы людские» (объемом 300 с.), снабженная фотографиями из семейных альбомов, вышла 2010 г. в Перми тиражом 100 экз. и быстро осела в домашних библиотеках родных и друзей автора¹.

Екатерина Егоровна Зверева родилась в 1935 г. в д. Белая на реке Кутамыш (Лысьвенский район Пермского края), однако семья вскоре после ее рождения переехала на окраину Перми, где отец нашел работу на конном дворе. Родители были женаты по второму разу, в общей сложности у них было 11 детей. В Перми Е. Е. Зверева закончила школу-семилетку, а затем устроилась на работу и в школу рабочей молодежи (не было денег, чтобы платить за учебу в старших классах). Закончила Пермский сельскохозяйственный институт, почти всю жизнь проработала агрохимиком. Сейчас на пенсии, вдова, есть двое взрослых детей, внуки и многочисленные племянники.

Мы познакомимся с Екатериной Егоровной в мае 2015 г. По ее рассказам, собирать материалы для родословной отчасти помогла работа: «Я работала почвоведом, агрохимиком, по колхозам

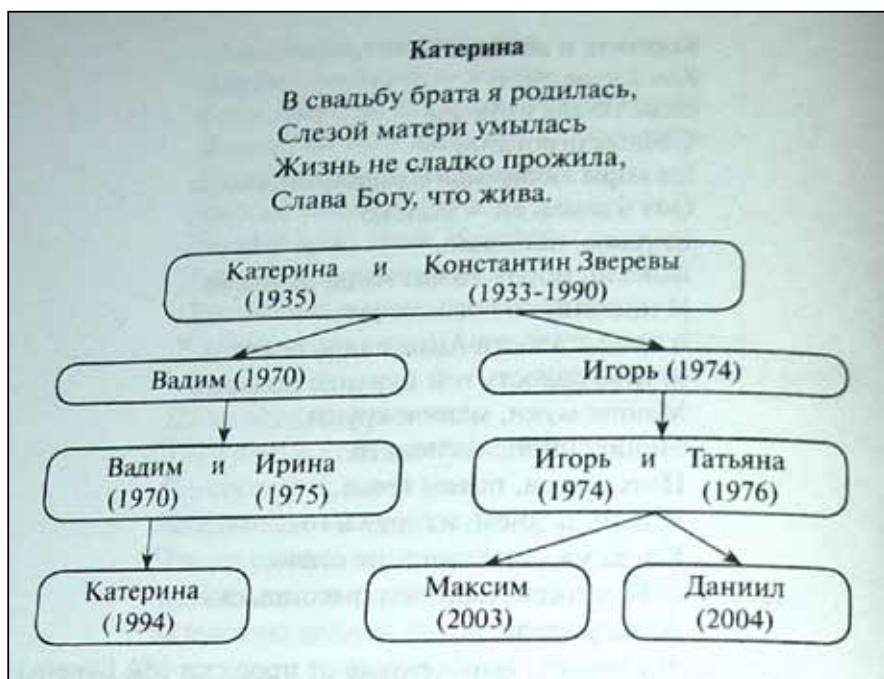
ездила, поэтому мне это доступно было, приедешь, разговоришься — оказывается, свои». Записать услышанное посоветовали родные: «Мне братья и сестры сказали: “Катерина, ты сейчас на пенсии, давай родословную [пиши]”. <...> Сказали, ты как-то больше всё знаешь». Немало сведений она узнала от родственниц 1920-х гг. рождения, к которым приезжала в гости или с которыми вела переписку. В 1995 г. у нее уже была готова большая тетрадь с набросками к родословной — основа будущей книги².

Сборник открывает стихотворная автобиография — нечто вроде большой поэмы с условным делением на главы. Е. Е. Зверева подробно описывает обстоятельства своего рождения, военное детство, юность, учебу в ШРМ и сельхозинституте, работу на разных предприятиях, выход на пенсию; «выстраивая биографию в хронологическом порядке, автор неосознанно подчиняется метанарративу, расставляет вехи пути в соответствии с событиями большой истории» [3. С. 286]. Бросается в глаза, что предпочтение отдается социальному опыту, тогда как личная жизнь (отношения с мужем и детьми)

отражены крайне скупо, в двух-трех эпизодах, в основном юмористических. Границы индивидуальной судьбы раздвигаются и теряют отчетливость, так как повествование о себе дополняется множеством чужих жизненных историй: в текст включаются рассказы о родителях, обширные списки имен, упоминания о судьбах одноклассников, однокурсников, преподавателей, коллег. Всё это представляется автору одинаково достойным упоминания в книге (и тем самым включения в «коллективную память»).

Выбранная автором тактика имеет свой эстетический эффект: из множества житейских мелочей и частных судеб, не образующих в пространстве текста никакой иерархии и зачастую вводимых спонтанно, складывается образ советской эпохи и «типичного» советского человека. Дополнительные черты образу придает богатый туристический опыт автора: с обилием юмористических подробностей Е. Е. Зверева описывает поездки юных «уральских провинциалок» в Москву, Ленинград и Таллин; выразительно изображает изобильные «восточные базары» Ташкента и Самарканда, путешествие с мужем в Казахстан. Отражен и опыт «советского интуриста» (поездки в Чехословакию, ГДР, Болгарию), характерной чертой которого становится инструктаж в КГБ и посещение музеев вперемежку с многочисленными магазинами.

Вторая часть сборника — стихотворная родословная, перемежающаяся описаниями родового древа и переходящая в прозаические фрагменты семейной хроники³. Большая часть описанных здесь судеб (особенно это касается поколения родителей и сверстников автора) является, по сути, разными версиями

Фрагмент генеалогического древа из печатного сборника Е. Е. Зверевой

Екатерина Егоровна Зверева в молодости.
Фото из ее личного архива

одной истории — о том, как крестьяне вынужденно отрывались от земли и становились горожанами. Интересно, что, в отличие от индивидуализированных судеб старших родственников, жизненный путь «городских» поколений родни (сестер, братьев, племянников) описывается с некоторой шаблонностью, которая проявляется и в использовании стихотворных формул, ср.: «Школу кончил он успешно, / Политех потом, конечно, / И женился, наконец, / Наш Василий-удалец» — или: «Родилась она в год Крысы, <...> / Семилетку кончила успешно, / Потом техникум, конечно».

Выбор стихотворной формы Екатерина Егоровна объясняет ее выразительностью: «Потому что в прозе когда пишешь, так не воспринимается, а когда <...> в таком своеобразном полупевном тоне, воспринимается лучше». Простые стихи она начала сочинять еще в школе: «Я писала, стенгазеты выпускала в такой форме, может, оттуда пошло, раньше стенгазеты в школе были очень интересные, в институтах. Когда молодая была, ездили по туристическим путевкам, <...> тоже потом стенгазету выпускали, тоже в стихах. Дни рождения, открытки всегда подписывали, старались в стихах»⁴. Проявилась здесь и ориентация на народную традицию импровизированного речитативного пения: «Сейчас есть такое направление у молодежи, рэп. Вот в те времена рэп существовал. Когда к матери собирались гости, они пирог испекут, собираются полукругом, друг за другом ходят и с причетом эти песни говорят. Это у них такое было. <...> С причетом ходят, говорят-говорят, а сами ходят и притопывают. <...> Вот оттуда и пошло. Я решила свою книгу в таком тоне и сочинить»⁵.

Мы выбрали для публикации несколько стихотворений, дающих представление о тематическом разнообразии и стилевых особенностях произведений Е. Е. Зверевой. Некоторые тексты приводятся в сокращении; орфография, грамматика и пунктуация первоисточника сохранены.

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ СБОРНИКА Е. ЗВЕРЕВОЙ «СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ»

***

В некотором царстве, да в нашем
государстве,
При Великом Петре, бунт Стрелецкий
был в Москве.
Софья к власти рвалась, да затея ей
не удалась...
В Москве Стрелецкий бунт подавлен,
А Софью в монастырь свезли.
Стрельцам расправу учинили —
Их пытали, убивали,
Да на Урал, Сибирь этапом гнали.
Тому пример — наш Коми край.
Средь роц берёзовых, болот, лесов

дремучих
Поселили там стрельцов измученных
От пыток, голода и слёз.
Среди шести районов коми
В одном лишь русские живут,
И их «парёнками» зовут.
«Паря» — слово-паразит в местном
лексиконе⁶,

Отличает тех людей в разговорном тоне.
Там люди щедры и добры,
Как след далёкой старины.
Не зря в народе говорили
И их «парёнками» дразнили.
Их предки — русские стрельцы!
А наши деды и отцы
От тех стрельцов уже пошли⁷.

***

Я помню маму молодой,
Когда ей было тридцать восемь.
И шубку из каракуля на ней
С шелковым подкладом с рисунком
из арбузов.

Прямой пробор на голове
И венчиком косы уложены,
И сумку модную тогда —
Плетёную корзину.
Всё это было до войны,
Когда жили в Кислотном.
И на колхозном поле жала
Серпом созревшие хлеба,
Снопы вручную там вязала,
Суслонам не было числа.
Домой везла зерно в мешочке,
Оберегая от воров.
И как уставшая овечка
Брела, как тень, среди дворов.
Потом на мельницу возила,
Чтоб получилась мука,
Варила кашу с той «крупчатки»
Да на воде, без молока.
Ох, до чего вкусна та каша —
Ржаная «чёрная смола».
Она живительною силой

В кишочки детские плыла.
А молоко на пункт носили —
Налог огромный был на то,
А мы, дистрофики полуживые,
Просили слёзно молочко.
Я с алюминиевой кружкой,
А в кружке хвоща перерост
Ждала — хотя бы, хоть немножко,
Мать молочка туда плеснёт.
А рядом братья мал-мала меня
Просили тоже молоко.
И в кружках их лежала жменя
Хвоща тёмно-зелёного.
Хоть под столами пусто-пусто,
Не видно крошечки нигде,
Ватага тараканов смело
«Шагала» шустро по избе.
А тараканы разномастны:
И черны, и буры, и белы.
С остервенением, бывало,
Обои грызли и цветы.
А я от наказания, бывало,
С Иваном под печь уползала,
Да там в слезах и засыпала.
И жертвой тараканьей стаи
Тогда мы с братом Ваней стали.
Кусала нечисть, не стеснясь,
Коростам не было числа.
И только мама всё боялась,
Чтоб уши целыми остались,
И не случилось «глухоты»,
От тараканьей «немчуры».

***

И пленных немцев повидала
На железнодорожном полотне.
Они ломали лёд долбили,
От снега расчищали путь.
Зима морозная стояла,
И ветры с Камы стали дуть.
Насквозь промёрзшие фашисты,
В шинелях длиннущих до пят,
На головах чулок натянут,
Лишь с прорезьями для лица.
На нас, детей, они глядели
Как виноватая овца.
А мы кричали им: «Капут! Капут!»
— Детство наше золотое
Всё счастливей с каждым днём,
Под счастливою звездю
Мы живём в краю родном! —
Распевали дружно в школе
На уроке пения.
А кругом разруха, голод
И пора военная. <...>
Очистки на печке-буржуйке пекли,
К тому же и в школе учиться могли.
А в школе похлёбку давали
И даже чайком угощали,
И хлеба кусочек, как лепесточек!
А очень голодных и истощённых
В столовую отправляли
И по талончикам кушать давали.
Однажды в первом классе
И мне талончик дали.
Да только тот талончик-карточку
Украли у меня,
И вход в столовку с карточкой
Закрылся для меня.
Обидно и досадно

И кушать очень хочется.
А в брюхе пусто-пусто.
Кишки урчат — шевелятся,
Под ложечкой сосёт.
Опять я после ужина
На печке, на буржучке
Очисточки пеку.
Очистки-очисточки
Жую, жую, жую...

***

... Я считаю, что картошка
Никогда не надоест
И её родимую надо есть и есть!
Гимн картошке надо петь:
O, Solanum tuberosum,
O, Solanum tuberosum —
Словно нежная мимоза
Взор ласкает куст!
Ты, картошка, ты, картошка, —
Клубень золотой,
Ты от голода спасаешь
Часто род людской!
Ты, картошечка любимая,
Лучше всякой колбасы
Да заморской «чепухи». <...>
Навеки слава картошке молодой!!!
Мы ели всё, что можно есть,
Что может дать нам матушка-природа.
А пища, она всюду есть —
Не считая собственного огорода.
Чуть-чуть смекалки и чутья,
Возможно обойтись и без нитья,
«что есть хочу»...

Побеги еловые, побеги сосновые.
Как белки по дереву прыг да скок.
По деревьям лазила я ловко.
Конечно, за братьями вроде Вовки
Не угнаться в высоте.
Ели мёрзлую картошку
После длительной зимы.
Ели пистики, пиканы,
Ведь про химию не знали.
Кору с липы тоже ели,
И, конечно же, цветы.
Зато летом за забором
Спели ягоды, грибы. <...>
Ели заячью кислинку,
Ели ягоду-малинку.
В огороде зрели огурцы,
Вот тогда мы — удалцы —
Смачно с хлебушком их ели.
Прямо с градки лук-перо
Отрывали заодно.

***

Папаня как-то крепко осерчал,
С ухватом в ярости за мной погнался.
Помчалась словно лань по огороду.
Барьер в два метра высоты — забор —
Взяла в один приём,
И дальше, дальше дала ходу.
Отец — двенадцать лет в солдатах был,
Царю, Отечеству служил
И видел царя и царицу.
Когда войска свои проверял —
На тёмном коне всегда восседал,
Царица — на лошади белой масти.
На первой германской войне воевал,
Окопы рыл и коней кормил,

Кормил он и вшей тифозных.
И в бессознании тифозном
В морг брошен был он «мертвецом»,
А через сутки своим ходом
Оттуда вышел молодцом.
В плену австрийском побывал,
Плетей отведал в меру.
Сыры варил он с барином,
И барин дело предлагал,
И предлагал остаться.
Но мысль одна-одна была —
До Родины добраться!
Добрался до родных он мест,
А дома два сыночка.
Жена больная уж была,
Страдала тубблезнюю.
А вскоре, и совсем слегла
И померла Алёна.
Пришлось искать среди невест
Себе жену, сыночкам мать.
И выбрал Анну, нашу маму.
Она на масляной неделе
В большой красивой шали
С подружками каталась
В расшитой яркой кошеве.
Вот сватов и заслали...

***

... Туристом еду в ГДР
В очередной свой отпуск.
До Москвы на «Каме» едем.
С Москвы — на лайнере летим,
Приземляемся в Берлине,
По-немецки говорим:
«Bitte, bitte; danke Frau...»
А товару, а товару —
Разбегаются глаза.
Мысль сверлит меня шальная —
Увезти бы три воза.
Обувь детская красива,
И для взрослых хороша.
И спортивные костюмы,
И игрушки, и пальто,
И бельё из дедедрона...
Только это все не то,
И обидно за Державу —
Русь Великую свою.
У себя в России лен
Придел бы всех мадонн
И не хуже за границы,
Ведь для тела и души
Льняные вещи хороши! <...>
В магазинах красота — разбегаются глаза
От обилия товара.
Идешь в секцию с корзинкой,
Набираешь сам товар,
Платишь ффенинги и марки —
И на стол.
Упакуешь все покупки —
Хоть в коробку, хоть в кулек,
А то просто в узелок.
Ленточкой завяжешь.
И идешь, себе не веришь:
С этажа и на этаж лестница доставит,
Дверь не надо открывать,
Сама распахнется,
А потом замкнется... <...>
Лишь в Берлине побывали —
Кошельки все отошлала.
А прощальный ужин был

В телебашинском кафе.
Затаили все дыхание
На лифте скоростном.
Когда везли нас к поднебесью,
Лишь лифтер на нас взирал,
Молча всех оглядывал.
С тридцатиметровой высоты
Ночной Берлин обозревали...
А утром всех с баулами
С покупкой заграничной
Доставили в аэропорт.
Потом закончился полет,
И все домой разъехались...
Теперь стены Берлинской нет —
На сувениры всю забрали.
И ГДР закончила существование.
Лишь песня пермских интуристов
до сих пор жива,
Лишь песня иногда «толкает» нас
на воспоминанья <...>.

Исповедь садовода-любителя [фрагмент]

... О великих датах тоже
Забывать вроде негоже.
Эти вехи в человеке
Слишком значимы всегда.
День седьмого ноября.
Кумачевы флаги.
Этот день забыть нельзя,
Не забыть и стяги.
Как мы шли по мостовой,
Песни распевали.
Широка страна родная,
Много в ней всего-всего...
По бульжной мостовой
Техника сверкала.
А кругом, по всей Руси
Музыка звучала.
И попробуй не явись,
Чтобы встать в колонну,
Вот тогда уж берегись,
Отзовется больно:
Иль стипендии лишат,
Или «выговорьем»...
А весной, как снег сойдет,
Первомай приходит.
Снова флаги и цветы,
Духовой играет,
И народ вокруг поет
«Утро красит нежным светом...»
Первомай встречи лихо,
Строем шли, черед блюда,
Взор бросая на вождя.
Вера сильная вела
К коммунизму нас тогда...
День победы настает,
Духовой играет.
Ветераны в орденах —
Сердце замирает...
Кроме этих славных дат —
День 8-го марта.
Дарят женщинам цветы
И читают им стихи...
Но желаннее всегда
День рождения года.
Суматоха, кутерьма —
Развеселая пора...
Теперь иные времена:
Озлобленность царит в народе.

За выживаемость идет борьба —
Везет же в жизни всяческим «Мавроди»...

***

Увлеклась теперь я древом
генеалогическим⁸,
И энергию свою трачу я практически
На поездки к старым людям — дальним
родственникам:

В Мостовую, Лысьву, Гайву и Ляды,
Чтоб «просеять и проветять»
Судьбы-судьбицы.

Много раз я навещала Коми край,
Где пешком, где на колесах —
Как киношный Будулай.

Древо славно изначально —
Позавидует любой!

Стрельцы буйные — основа,
Был народ лихой.

А уж деды и прадеды
К земле крепко «приросли»:

И пахали, и косили,
И навоз в поля вносили,
Сами пряли, сами ткали,
И воскресну школу знали,

Чтили старших, не бранились,
В хороводах веселились,
Все обряды почитали...

Вдруг Гражданская война
Охватила те края.

Старожилы так глаголят:
Если красные приходят —

Подчистую все «метут»,
«Если белые на смену,

Забирают непременно
Все запасы из ларей,

Заодно и лошадей.
Хочешь — верь, а хошь — не верь,

Веры нету у людей
Ни на красных, ни на белых».

Так нам мама говорила,
Вспоминая те года,

Когда была молода.

Наша бабушка Марина (Долгих)
С материнской линии

Родилась в год рождения Ленина (1870),
Умерла в год смерти Сталина (1953).

Нашу маму родила в возрасте
Христовом, —

Молода была, стройна,
Красотою славилась,

А состарилась когда —
Добротой прославилась.

Мамин прадед Христофор
Пережил голодный мор.

Заболел сердечный:
Были боли в голове

И в душе, конечно.
Умер вовсе молодой

В Александровской больнице.
И оставил он Савелия —

Сына — сиротой. <...>

А у матери отец, Степан Филиппович
(Степка Филькин)

Был заправский продавец.
Рыбу в бочках вез в Усолье,

А оттуда — соль да спички,
Да детиска рукавички.

На гостинцы — леденец,
Красный пряник, наконец.

Частным собственником был,
Сам и валенки катал,

И хозяйством управлял.
По природе строг не в меру.

«Взгляда тяткина боялись!» —
Потом детям вспомнилось...

А потом Иосиф Сталин
«Дров не мало наломал»

Словно тот «девятый вал».
Коллективизацию провел.

Ни прав, ни паспортов —
Всех оставил без «портков». <...>

Умер дед наш до войны (1940 г. в 73 года)
В славном городе Перми. <...>

***

Дочка Анна — наша мама —
Дважды замужем была.

Первый муж, Иван Иванович,
Что с Букреевины был

(Его мачеха и мама сестры сводные.

У Насти Антипичны мать была свекровью
нашей маме по 1 мужу)⁹,

Да колдун их разлучил.

Тот колдун — Базанов Ваня —

По соседству проживал,
Крепко-крепко осерчал,

Что на свадьбу не позвали...
Замуж выдали потом (сваха тетка

Катеринка)
За папаню нашего (Егор Макарович),
За вдовца и с ношею (Егор и Федя¹⁰ —

сыновья).
Тех сынов вскоре женили...

От того второго брака —

Три сестры и братьев пять, даже шесть —
Внебрачный есть. <...>

Брат внебрачный Коля от любимой Дарьи
Отчего и почему отец на Дарье

не женился,
А взял Анну — нашу маму...

Она на масляной неделе

В большой красивой шали
На лошадях каталась.

Отец в нее влюбился, и сватов к ней
послали...

Но брак несчастен был.

Ни он ее, и ни она его
За прожитую долгую жизнь

не полюбили...
А Коля в 14 лет осиротел,

Остался без матери

И без внимания отца.

Свою судьбу построил сам...

Служил на Тихоокеанском флоте,

И бравый был моряк.

Он приезжал к отцу,

Но мать, «поджавши губы», его
не приняла.

Потом себя «казнила», на смерть отца

Не позвала проститься.

А Николай женился

И всю-то жизнь трудился

Электриком на заводе...

Здоровье стало не ахти,

И легкие порою собой давали <...>

И он ушел к родимой матери, в могилу

(Северное кладбище, квартал 59,
III-я могила с краю)¹¹.

Примечания

¹ Об этой книге, отсутствующей в библиотеках Перми, рассказала жительница д. Сергеево Юрлинского района, бывший библиотекарь К. П. Гусева. У нее хранится экземпляр с дарственной надписью: «Клавдии Петровне, хорошему краеведу от автора». В Сергеево родился отец Е. Е. Зверевой и живут родственники, с которыми она общалась, работая над родословной.

² В печатной версии 4 раздела: «Судьба-судьбинушка» — поэтическая автобиография; далее следует стихотворная «Родословная», которую дублирует — уже в прозе — семейная хроника «Наши предки с нелёгкой судьбой»; завершают книгу фотографии.

³ Отдельные сюжеты встречаются в сочинении Е. Е. Зверевой до трех раз: некоторые стихотворения с небольшими вариациями включены в обе части, они же могут дублироваться прозой. Различия минимальны. Замечено, что устные биографические нарративы (о предке, основателях семьи, самом рассказчике) разворачиваются как реализация определенного замысла («внутреннего текста»), от которого рассказчик не отступает [5. С. 5]; книга Е. Е. Зверевой показывает, что «внутренняя схема» детерминирует повествование не только при устном, но и при многократном письменном воплощении биографического сюжета.

⁴ Можно говорить о том, что бытовое использование стихотворной речи в окружении Е. Е. Зверевой было довольно распространено. Так, в ответ на просьбу описать детские воспоминания двоюродная сестра мужа прислала ей рифмованное письмо: «...Букварь учителя один на всю деревню мы носили. Свекла и сажа из трубы чернилом верным нам служила. В школу, помню, мы ходили: фуфайка с дедова плеча, один галос, один ботинок, с холщовой сумкой за плечами. <...> А сколько горя и беды со всеми вместе пережили, четыре похоронки в год мои родные получили» и т.д.

⁵ «Неявная фольклорно-песенная основа» ее стихов отмечалась автором небольшой газетной заметки [2. С. 4]. Крестьянские воспоминания о прошлом, выраженные в стихотворной форме, фиксировались исследователями и на более раннем материале, так, к примеру, рифмованный рассказ участника Первой мировой войны, записанный в Карелии [1. С. 281–282].

⁶ Восприятие слов *паря* и *парёнки* как однокоренных — пример народной этимологии; *парёнки* — «паренные в русской печи овощи», *паря* — слово, которое в пермских говорах используется для привлечения внимания [4. С. 74, 77].

⁷ Стихотворение открывает автобиографическую часть книги; здесь излагается местное предание, согласно которому юрлинские села и деревни были основаны ссыльными стрельцами; Е. Е. Зверева слышала об этом от отца.

⁸ Этим стихотворением открывается раздел «Родословная».

⁹ Приписка дополнительной информации в скобках, т.е. включение в стихо-

творный текст прозаических фрагментов, сближает его с документально-бытовыми (дневниковыми, мемуарными) записями.

¹⁰ В связи с братом Федором в прозаической части сборника обнаруживается фольклорно-мифологический сюжет: «Федю похоронили <...> а поминки почему-то не справили. Видимо, по той или иной причине вскоре у Егора Макаровича [отца] «пропала» лошадь. Как говорят в народе: «Покойник свое возьмет»».

¹¹ Очевидна установка Екатерины Егоровны на «собрание семей», проявляющаяся в том, что она неоднократно признает «своими» тех детей отца, которых игнорировала ее мать; приписка в скобках, помогающая отыскать могилу

«внебрачного» Николая, сделана, по всей видимости, в надежде, что многочисленные родственники будут поминать и его.

Литература

1. Дубровская Е. Ю. Чудесное и повседневное в памяти участников Первой мировой войны (по фольклорным источникам из научного архива КНЦ РАН) // Рябининские чтения — 2015: Материалы VII науч. конф. / Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск, 2015. С. 280–283.

2. Зайцева Е. Полевика вымерли, как динозавры? // Пермские новости. 1997. № 48. С. 4.

3. Князева Е. А. Биографический курс в «наивной» поэзии Екатерины Зверевой // Филология в XXI веке: методы,

проблемы, идеи: Материалы III Всерос. науч. конф. / Отв. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2015. С. 282–287.

4. Словарь пермских говоров. Вып. 2 (О–Я). Пермь, 2002.

5. Сперанская А. Н. Семейные рассказы: устная и письменная реализация замысла // Наивная литература. Шаг третий: Тезисы докладов науч. конф. М., 2014 (http://www.ruthenia.ru/folklore/2014_conf_naiv_abstracts.doc).

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14–14–59009а(р) «Наивная литература в современной региональной культуре Прикамья».

Борис Вадимович Кондаков,

доктор филол. наук

Мария Валерьевна Курочкина,

инженер кафедры русской литературы

Пермский гос. нац. исследовательский ун-т

«НАИВНАЯ» ГРАЖДАНСКАЯ ЛИРИКА ГЕОРГИЯ БАШКИРЦЕВА: ТЕКСТЫ И КОНТЕКСТЫ

В архиве лаборатории «Фольклор Прикамья» филологического факультета ПГНИУ хранится полевой дневник фольклорной практики, в котором помимо вполне традиционных текстов присутствует большой фрагмент оригинального социально-политического манифеста, написанного жителем с. Осинцево Кишертского района Пермской области (сейчас — Пермского края) Г. Я. Башкирцевым. Ему же принадлежат сохраненные в дневнике тексты предполагаемых публичных выступлений, в которых излагались его взгляды на политику и историю, а также несколько стихотворений; записана и краткая биография создателя этих произведений¹.

С Георгием Яковлевичем Башкирцевым один из авторов этого материала, являвшийся руководителем студенческой фольклорной экспедиции, которая проводилась в Кишертском районе, познакомился в 1984 г. Местный «мыслитель» и «поэт» сам пришел в школу (участники экспедиции, как правило, распоталась в местной школе) на шестой день фольклорной практики (т. е. тогда, когда уже все в округе знали о приезде студентов). Беседу он начал с риторического вопроса: «Как вы думаете, умеет ли украинец бороться за мир? Знаете ли вы вообще, как надо бороться за мир?» — и сам на него ответил: «Украинец болтает и врет много, сам не понимает, что и для чего делает, а я знаю, что всем нам нужно делать» (как

позже выяснилось, под «украинцем» Г. Я. Башкирцев имел в виду «товарища» К. У. Черненко, являвшегося тогда Генеральным секретарем ЦК КПСС и Председателем Президиума Верховного Совета СССР). С собой неожиданный гость принес довольно большую стопку старых ученических тетрадей, заполненных его размышлениями (одна из тетрадей, например, имела название «Программа мира», другая — «Речь перед японским народом», в ней было записано предполагаемое выступление перед жителями пострадавших от американской атомной бомбардировки городов Хиросима и Нагасаки), и стихотворениями. Судя по содержанию и состоянию тетрадей, а также по тому, что записи были сделаны перьевой ручкой, основная часть рукописей была создана в 1940–1950-е гг.²

Из беседы с хозяином тетрадей выяснилось, что Георгий Яковлевич Башкирцев родился в 1917 г. (на момент встречи ему было уже 67 лет), закончил начальную школу у себя в деревне (т. е. был для своего времени достаточно грамотным человеком). Его отец и мать были бедными крестьянами. Возможно, его семья прошла через процедуру раскулачивания и была насильно переселена в Сибирь; родители, понимая, что обратно, скорее всего, никогда не вернуться, сумели каким-то образом передать своих несовершеннолетних детей дальним родственникам или соседям³. Во второй половине 1930-х гг. Г. Я. Башкирцев (по его словам) служил

во внутренних войсках в Ленинграде. Вероятно, тяжелая служба сказалась на состоянии здоровья, потому что на фронт во время Великой Отечественной войны его не взяли, и после возвращения в домой он практически безвыездно жил в с. Осинцево.

В селе про Георгия Яковлевича говорили, что он «немного не в себе, но умный», и это весьма показательная характеристика: так в русских деревнях обычно называют людей, отличающихся по своему поведению и взглядам от «типичного большинства». Можно, наверное, сделать вывод, что временами для Г. Я. Башкирцева было характерно так называемое «пограничное состояние», у него проявлялось, по-видимому, нечто вроде мании преследования. Однако его утопическая концепция переустройства мира, оригинальные (расходящиеся с ортодоксальными) взгляды на прошлое и современное состояние «советского» (российского) общества, хорошо известные родственникам и некоторым односельчанам, вызывали у окружающих уважение и делали его значимой фигурой в местном микросоциуме⁴.

Следует отметить, что в «Программе мира» — своеобразном «наивном» социально-политическом манифесте или трактате — Г. Я. Башкирцев, естественно, позиционировал себя в качестве идеолога и реформатора, а вовсе не литератора: «Я крестьянин-христианин = вот такая моя ато биография [автобиография]. Я неумею много говорить, я неумею — здря — болтать, хвастать — потому что я ненаемный аратор — от коммунистической партии = я посланец народа всех стран⁵. Соответственно и свою рукопись Г. Я. Башкирцев передал участникам экспедиции, вероятнее всего, потому, что предполагал, что люди «из города» помогут популяризовать его взгляды и, может быть, опубликовать его труды или устроить ему какую-нибудь «встречу на высшем уровне».

Имеет смысл вкратце описать программу борьбы за мир, изложенную